

Голоса счастливой Аркадии

“Король-пастух” в Театре муз

Итальянский город Анкона хорошо знаком российскому человеку — побережье Адриатики сначала осваивали туристы и “челюки”, а ныне кое-кто нашел здесь работу — в отеле ко мне обратились на чистом русском языке. В том же отеле с помпезным названием “Рим и мир” на видном месте висела вырезка из газеты с живописным рассказом о том, как Иосиф Виссарионович Сталин, сбежавший из царской России в трюме торгового судна, пытался устроиться на работу в эту самую гостиницу в качестве ночного портье, да оказался нанимателю слишком застенчивым и вынужден был отправиться в Венецию, где опять-таки в поисках работы предложил свои услуги как звонарь армянскому монастырю на острове Сан-Ладзаро... Словом, частичка России жива в Анконе с далеких времен.

А еще этот прекрасный город — земля музыкантов. В нескольких километрах от Анконы родились Перголези и Спонтини, да и родной город Россини — Пезаро — всего в сорока минутах пути. Но музы долго молчали в Анконе — город многократно становился жертвой войн и землетрясений, и театр, названный в честь муз, оставался закрыт в течение шестидесяти лет. В прошлом году, к великой радости города, здание, сохранившее неоклассический фасад, но изнутри полностью перестроенное, открылось премьерой моцартовского “Идомея”. Выбор произведения Моцарта был неслучаен — в 1770 году, во время своего первого итальянского путешествия, юный гений посетил Анкону и недалеко от нее Лорето. Нынешний сезон также решили открыть произведением Моцарта — на этот раз юношеской серенадой “Король-пастух”.

Девятнадцатилетний Моцарт сочинил серенаду в 1775 году в честь князя Максимилиана III, по случаю его визита в Зальцбург. Литературной основой послужило либретто Метастазия, на которое уже сочинили музыку десятки композиторов. “Король-пастух” — не

полноценная опера, а концерт в костюмах, так что о настоящей драматургии речи идти не может. Режиссеру приходится нелегко, и Даниэле Аббадо в союзе с оформителем Стефано Кова и художницей по костюмам Карлой Тети представляют на суд публики сценическое решение, которое доставляет удовольствие глазам, но может сопровождать и какое-нибудь другое название на афише. Все происходящее на сцене не слишком тесно связано с либретто и вполне произвольно.

Сценическая коробка окрашена в два цвета: серо-сиреневый и черный. Игра воды в бассейне создает ощущение радости и безмятежности. Прозрачные воды характеризуют мир Аминты, который не знает о своем царском происхождении и живет в гармонии с природой: образ счастливой Аркадии, далекой от борьбы за власть, войны, собиранья земель в империи, а значит, и от смерти. В бассейне охотно плещутся все персонажи и многочисленный миманс. Часто на сцене присутствуют три экрана, на которые проецируются картины природы, завораживающие все той же безмятежностью, или снимки древнегреческих барельефов — образ если не мира, то абсолютной красоты и гармонии. Изумительные арии статично поются на авансцене, в то время как артисты миманса чуть поодаль заняты действиями, смысл которых не поддается прямой расшифровке: плавают в бассейне, поливают друг друга водой, покрывают тела товарищей замысловатой раскраской, разжигают огонь. Постоянное присутствие воды символизирует чистоту и призывает к возвращению к природе, к естественному состоянию. В финале, уже после поклонов, все артисты прыгают в бассейн и с видимым наслаждением брызгают друг на друга водой.

Даниэле Аббадо в заметках, предложенных спектаклю, утверждает, что его спектакль говорит о “связи времени с человеком”, о “возможном оптимизме”: Алек-

сандр Македонский, олицетворяющий цивилизацию, возводит Аминту в новую для него роль правителя, и бывший пастух благодаря мощи цивилизации находит в новом для него существовании место и для любви. Без чтения этих замечаний спектакль смотрится как милый образ счастливой Аркадии, из которой до нас доносится призыв к миру и гармонии.

Музыкальная часть спектакля — в руках Корrado Ровариса, одного из самых ярких представителей молодого поколения. Он не только дирижирует оркестром, но и аккомпанирует речитативам на чембало. В исполнении ранней моцартовской партитуры чувствуются тщательность, внимание к музыкальным тонкостям, но особенно кристальная чистота.

Все исполнители серенады молодцы, и все — скорее обладатели “голосков”, чем голосов. Все — в рамках нынешней тенденции: хорошо выучены, музыкальны, привлекательны на сцене, но не поражают качеством собственно “материала”. Среди них лидирует известная певица Чинция Форте в партии Элизы, заслужившая горячие аплодисменты благодаря тонкому пониманию стиля и виртуозности, блеск которой напоминает о россыпи драгоценных камней. Любопытный факт — в ролях Аминты и Тамии выступают две молодые певицы, Раффаэлла Миланези и Джорджа Миланези. Совпадение фамилий? Нет. Исполнительницы — сестры-близнецы, да и голоса у них похожи. Особенно хороша Раффаэлла в роли en travesti. Два тенора завершают вокальную “диспозицию” — Стефано Феррари в роли Александра и Бруно Ладзаретти в роли Агенора: маленькие и “воспитанные” голоса, из которых первый выделяется легкостью колоратуры, а второй — более свободными верхними нотами.

Ирина СОРОКИНА

Анкана — Верона

Сцены из спектакля